

Оригинальная статья

УДК 342.51

Проституция на территориях, оккупированных нацистами в годы Великой Отечественной войны: коллаборационизм или вынужденная мера выживания?

Надежда Степановна Нижник

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

n.nishnik@bk.ru

ORCID: 0000-0002-3369-9490

Аннотация

Введение. Изучение детерминант выбора личностью индивидуальной модели правового поведения продолжает оставаться актуальной задачей юридической науки. Особую сложность представляет определение закономерностей выбора жизненных стратегий в экстремальных условиях. Обширный материал для исследования этой проблемы предоставляет история Великой Отечественной войны, в условиях которой множество факторов военно-го времени расширило спектр индивидуальных стратегий выживания от защиты Отечества с оружием в руках и работы в тылу до различных форм приспособления к условиям оккупации. На территориях, оккупированных нацистами в годы Великой Отечественной войны, существенной составляющей повседневности женщин стало принуждение их оккупантами к проституции. При этом факты сексуального насилия нацистов частью послевоенной коллективной памяти не стали, а сюжеты, связанные с ними, до настоящего времени в общественном сознании остаются табуированными. **Цель.** С учетом того, что проблемы половых отношений и кросс-культурного взаимодействия в оккупации в контексте гендерной истории, темы сексуального насилия на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны были включены в круг научных исследований только в последние десятилетия и к настоящему времени фрагментарно охватили лишь незначительную часть актуальных вопросов, целью настоящего исследования явилась реконструкция обстоятельств, выступающих детерминантами выбора индивидуальных жизненных стратегий в условиях Великой Отечественной войны с акцентированием внимания на факторах, определяющих поведение женщин на оккупированной территории в сфере предоставления ими сексуальных услуг комбатантам в создаваемых оккупантами домах терпимости. **Источники.** Только изучение источников различных видов (правовых актов противоборствующих сторон, материалов правоприменительной практики, документов административных органов, периодической печати, источников личного характера) позволит реконструировать события военных лет и оценить последствия «горизонтального» коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. Основным источником настоящего исследования стала периодическая печать – газеты и листовки, издававшиеся в тыловой части СССР, на оккупированных территориях, в советских воинских частях

и партизанских отрядах в 1941–1946 гг. **Методы.** Исследование осуществлено посредством инструментария разного уровня. Особое значение имели конкретно-исторический метод, позволяющий учесть условия, факторы и обстоятельства, в которых функционировали бордель-хаусы на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны, и биографический метод, благодаря которому выявлены модели поведения женщин в условиях нацистской оккупации и детерминанты «горизонтального» коллаборационизма. **Результаты.** Средством поддержки способности армии воевать и разгрузки комбатантов от психологического и физического напряжения на захваченной территории оккупанты рассматривали дома терпимости (бордель-хаусы), работа которых обеспечивалась принуждением женщин к проституции. Организация бордель-хаусов в статье рассмотрена как часть оккупационной политики. Освещены организационные и социально-медицинские аспекты функционирования бордель-хаусов, личностные аспекты предоставления сексуальных услуг, психологические аспекты устройства послевоенной жизни лиц, подвергшихся сексуальному насилию в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова

Великая Отечественная война, оккупационная политика нацистов на советской территории, преступления нацистов против мирного населения, коллаборационизм, принудительная проституция, публичный дом, бордель-хаус, распространение венерических заболеваний, мотивы определения стратегий выживания, женская военная повседневность, гендерная дискриминация

Для цитирования: Нижник, Н. С. (2025). Проституция на территориях, оккупированных нацистами в годы Великой Отечественной войны: коллаборационизм или вынужденная мера выживания? *Российский девиантологический журнал*, 5 (4), 542-563.

Original paper

Prostitution in the territories occupied by the nazis during the Great Patriotic War: collaboration or a necessary survival measure

Nadezhda S. Nizhnik

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

n.nishnik@bk.ru

ORCID: 0000-0002-3369-9490

Abstract

Introduction. The study of the determinants of a person's choice of an individual model of legal behaviour continues to be a relevant task for legal science. Determining the patterns of choice of life strategies in extreme conditions is particularly difficult. The history of the Great Patriotic War provides extensive material for studying this problem, as many wartime factors broadened the range of individual survival strategies, from defending the Fatherland with arms in hand and working in the rear to various forms of adaptation to the conditions of occupation. In the territories occupied by the Nazis during the Great Patriotic War, forcing women into prostitution became a significant part of their daily lives. However, the facts of sexual violence

committed by the Nazis did not become part of the post-war collective memory, and stories associated with such violent acts remain taboo in the public consciousness to this day. **Purpose.** Since issues of sexual relations and cross-cultural interaction during occupation in the context of gender history, themes of sexual violence in the occupied Soviet territories during the Great Patriotic War have only been included in scientific research in recent decades and, to date, have only fragmentarily covered a small part of the relevant issues, the purpose of the study was to reconstruct the circumstances affecting the choice of individual life strategies during the Great Patriotic War, with a focus on the factors determining the behaviour of women in the occupied territories when providing sexual services to combatants in brothels opened by the occupiers. **Sources.** Only studying various types of sources (legal acts of opposing sides, materials on law enforcement practices, documents from administrative bodies, periodicals, personal sources) makes it possible to reconstruct the events of the war years and assess the consequences of “horizontal” collaboration during the Great Patriotic War. The main resource for the research was periodicals – newspapers and leaflets published in the rear of the USSR, in occupied territories, in Soviet military units and partisan detachments from 1941 to 1946. **Methods.** The research was carried out by means of various tools. Particular importance was attached to the concrete historical method, enabling consideration of the conditions, factors and circumstances that affected the functioning of brothels in the occupied Soviet territories during the Great Patriotic War, and the biographical method, used to identify patterns of behaviour among women under Nazi occupation and the determinants of “horizontal” collaborationism. **Results.** The occupiers considered brothels, kept open by forcing women into prostitution, as a means of supporting the army's ability to fight and relieving combatants of psychological and physical stress in the occupied territory. The organisation of brothels is discussed in the article as part of the occupation policy. It highlights the organisational and socio-medical aspects of the functioning of brothels, the personal aspects of providing sexual services, and the psychological aspects of the post-war lives of persons who were subjected to sexual violence during the Great Patriotic War.

Keywords

Great Patriotic War, Nazi occupation policy in Soviet territory, Nazi crimes against the civilian population, collaborationism, forced prostitution, brothels, brothel houses, spread of sexually transmitted diseases, motives for determining survival strategies, everyday life of women in wartime, gender discrimination

For citation: Nizhnik, N. S. (2025). Prostitution in the territories occupied by the nazis during the Great Patriotic War: collaboration or a necessary survival measure? *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (4), 542–563.

Введение

Великая Отечественная война стала трагической страницей истории нашей страны. Война внесла корректизы во все сферы социального бытия и потребовала от каждого из современников вооруженного конфликта определить индивидуальную стратегию выживания и выбрать модель своего правового поведения. Множество детерминант повседневности населения расширило спектр индивидуальных стратегий выживания от защиты Отечества с оружием в руках на фронте или в партизанском отряде, работы в тылу на производстве или в сельском хозяйстве до различных форм приспособления к жизни в условиях оккупации.

В годы Великой Отечественной войны под оккупацией немецко-фашистских захватчиков оказались 13 краев и областей РСФСР, территории Белорусской, Украинской, Эстонской, Латвийской и Литовской союзных республик. Молдавская ССР и отдельные районы юга

Украинской ССР попали под управление Румынии; часть Карело-Финской ССР была оккупирована финскими войсками. Оккупация советской территории (с 22 июня 1941 г. по 7 ноября 1944 г.) в разных регионах страны продолжалась от нескольких недель до нескольких лет.

На захваченной фашистами территории СССР проживали около 70 млн мирных советских граждан – треть населения страны. Большинство взрослого населения составляли женщины, в повседневность которых на оккупированной нацистами территории были включены многочисленные факты половой и гендерной дискриминации – изнасилования и принуждения к проституции. Стремление командования вермахта Германии поддержать боеспособность комбатантов всеми способами, в том числе разгрузкой от психологического и физического напряжения посредством предоставления им сексуальных услуг, обусловило создание на оккупированных территориях легальных нацистских борделей – домов терпимости, получивших в быту название бордель-хаусов. Работа бордель-хаусов стала частью истории военных лет, важным фактором выбора женщинами, оказавшимися на оккупированной территории, моделей своего поведения и определения ими индивидуальных стратегий выживания.

Несмотря на то что факты массовых изнасилований советских женщин комбатантами вермахта и принуждения их к проституции, безусловно, являются существенными обстоятельствами женской повседневности на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны и отражают гендерные особенности выбора стратегий выживания в экстремальных условиях, частью послевоенной коллективной памяти они не стали; сюжеты, связанные с ними, до настоящего времени в общественном сознании остаются табуированными.

Литература и источники

Проблемы половых отношений и кросс-культурного взаимодействия в оккупации в контексте гендерной истории, вопросы сексуального насилия на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны были включены в круг научных исследований только в последние десятилетия. В числе работ, прямо или опосредованно затрагивающих эти вопросы, исследования J. Steinberg (Steinberg, 1995), K. C. Berkhoff (Berkhoff, 2004), И. В. Ребровой (Реброва, 2008), R. Sommer (Sommer, 2009), R. Mühlhäuser (Mühlhäuser, 2010), R. D. Markwick, E. C. Cardona (Markwick & Cardona, 2012). Особый интерес вызывают работы научного сотрудника Гамбургского института социальных исследований, соучредителя и координатора Международной исследовательской группы «Сексуальное насилие в условиях вооруженных конфликтов» R. Mühlhäuser. В монографии «Секс и нацистский солдат. Насильственные, коммерческие и добровольные контакты во время войны в Советском Союзе, 1941–1945 гг.» (Mühlhäuser, 2021) (Гамбург: Hamburger Edition, 2010; Токио: Iwanami, 2015; Эдинбургский университет, 2021) автор констатирует, что сексуальное насилие было широко распространенной реальностью во время войны и оккупации в Советском Союзе. R. Mühlhäuser развенчивает миф о том, что военные лидеры, следуя нацистской идеологии «растления расы», подавляли сексуальность солдат; описывает сексуальное поведение солдат и то, как военное командование интегрировало его в свое стратегическое мышление. Проблему легальной проституции R. Mühlhäuser рассмотрела как часть гендерного насилия через практики нацистского командования по регулированию сексуальных отношений.

Стратегии выживания советских женщин на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны представлены в немногочисленных публикациях отечественных и зарубежных авторов в контексте различных проблем: оценки влияния идеологии национал-социализма и политики гитлеровской Германии на совершение насилия (В. Beck (Beck, 2004), R. Mühlhäuser (Mühlhäuser, 2010, 2021)), выявления причин коллaborационизма

(Б. Н. Ковалев (Ковалев, 2009); А. Р. Дюков (Дюков, 2007)), описания женской военной повседневности (И. В. Реброва (Реброва, 2008), Н. С. Нижник (Нижник, 2025а, 2025б).

Особую значимость имеют публикации К. В. Сак (Сак, 2021, 2024а, 2024б, 2025) и Е. Ф. Кринко (Кринко & Сак, 2023), в которых исследователи охарактеризовали официальную позицию советского руководства по отношению к сексуальному насилию на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны; выявили отдельные сведения о преступлениях захватчиков против мирного населения, представленные в официальных документах советских органов; опираясь на различные источники, описали особенности организации и функционирования нацистских публичных домов на территории Ростовской и Сталинской (Донецкой) областей в условиях фашистской оккупации.

Поведение женщин, вступавших в интимную близость с оккупантами, по формальным характеристикам, без учета мотивов выбора своей жизненной стратегии, отнесенное к сотрудничеству с оккупантами, получило названия полового (Ковалев, 2009), «горизонтального» (Сак, 2025; Нижник, 2025а, 2025б) или « сентиментального » (Vinen, 2006) коллаборационизма. В исследовании проблем выбора женщинами, находившимися на оккупированной территории в военные годы, моделей их поведения делаются только первые шаги. До настоящего времени не реконструирована система социальных связей, сложившаяся в годы войны в конкретном оккупированном регионе; неизвестно, сколько публичных домов работало на временно оккупированной нацистской Германией территории СССР, сколько женщин было вовлечено в обслуживание комбатантов; как сложились судьбы барышень из бордель-хаусов; не выявлены доминантные мотивы выбора женщинами модели своего поведения.

Для исследования «горизонтального» коллаборационизма на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны необходимы источники различных видов. Часть их сосредоточена в фонде Р-7021 Государственного архива Российской Федерации – фонде Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодействий немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)¹. В фонде ЧГК, существовавшей в 1942–1951 гг., собрано более 43 тыс. дел². Сообщения ЧГК, основанные на собранных материалах, были представлены в качестве документальных свидетельств обвинения на Нюрнбергском процессе. Но составители актов ЧГК при описании злодействий сведения о половых преступлениях против женщин специально не собирали, поэтому источники – протоколы допросов сотрудников и бывших проституток борделей в органах НКВД единичны. Женщины, привлекавшиеся к обслуживанию комбатантов, на допросах были немногословны, из-за страха перед общественным осуждением предпочитали молчать о пережитом. Родственники барышень стремились к забвению «позорного прошлого». Мемуары организаторов борделей и штатных сотрудников домов терпимости, которые проституцией не занимались, не обнаружены.

Как и подавляющее большинство советских гражданок, переживших насилие, обслуживающие комбатантов после войны оказались «фигурами умолчания» (Никонова, 2005), и их «тяжелый и крайне травматичный опыт выживания в оккупации не был артикулирован» (Кринко & Сак, 2023). Поэтому в документах ЧГК представлен «экlecticичный образ бордель-хауса» (Сак К., 2024а), а факты сексуального рабства, зафиксированные в документах НКВД, донесениях партизан и средствах массовой информации, личными свидетельствами очевидцев не подкреплены. Поиск источников и выявление информации по данной теме до настоящего времени представляют чрезвычайно сложную исследовательскую проблему.

¹ Государственный архив Российской Федерации. (1997). Путеводитель. Т. 3: Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории СССР (с. 387).

² Там же. С. 387–392.

Новые возможности для исследований нацистской оккупации открыл проект «Без срока давности»³, посвященный преступлениям фашистских захватчиков против советских граждан на территории различных субъектов СССР. Собранные документы расширили представления о нацистской оккупации и ее трагических последствиях (Кринко, 2023), включая характеристику местных коллаборационистов.

Только изучение источников различных видов (правовых актов противоборствующих сторон, материалов правоприменительной практики, документов административных органов, периодической печати, источников личного характера) позволит реконструировать события военных лет и оценить последствия «горизонтального» коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. Основным источником настоящего исследования стала периодическая печать – газеты и листовки, издававшиеся в тыловой части СССР, на оккупированных территориях, в советских воинских частях и партизанских отрядах в 1941–1946 гг.

Методы

Методологическая основа исследования включила в себя инструментарий разного уровня. Методологические принципы исследования стратегий выживания женщин в условиях нацистской оккупации в годы Великой Отечественной войны опираются на диалектику – общую методологию научного познания. Основными в исследовании явились принципы всесторонности изучения юридических процессов и явлений; единства теории и практики; единства сознания и деятельности. Они предусматривают проведение ретроспективного анализа с учетом требований объективности и комплексности исследования. Основным методологическим подходом исследования был определен системный. Использованы общенаучные (методы дедукции и индукции, анализа и синтеза, обобщения и конкретизации) и специальные (сравнительно-правовой, проблемно-хронологический, формально-юридический, статистический) методы, а также конкретно-исторический метод, позволяющий учесть условия, факторы и обстоятельства, в которых функционировали бордель-хаусы на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны, и биографический метод, благодаря которому выявлены модели поведения женщин в условиях нацистской оккупации и детерминанты «горизонтального» коллаборационизма.

Результаты

Планы порабощения различных стран и народов А. Гитлер связывал с армией. Обеспечение боеспособности армии являлось частью национальной политики гитлеровской Германии. Средством разгрузки комбатантов от психологического и физического напряжения и поддержки их физической способности воевать рейхсфюрер СС Г. Гиммлер считал публичные дома (Timm, 2001). В Германии дома терпимости легально были открыты в 1934 г., сначала для офицеров, а с 1936 г. посетителями публичных домов стали и солдаты. 9 сентября 1939 г. министр внутренних дел Германии В. Фрик подписал декрет о повсеместной организации в Третьем рейхе борделей для будущих комбатантов (Кринко & Сак, 2023). Когда война с СССР была связана и пришло понимание невозможности ее быстрого завершения, организация передвижных борделей дополнилась созданием стационарных публичных домов для военнослужащих вермахта на захваченной территории.

Сколько публичных домов работало на временно оккупированной нацистской Германией территории СССР, сколько женщин, в документах получивших официальное название девушек или барышень, было вовлечено в их деятельность, до настоящего времени

³ Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Без срока давности». Библиотека. Сборники по регионам. <https://xn--80abjd7bea0aebfrc0a.xn--p1ai/biblioteka/sborniki-po-regionam/>

неизвестно даже приблизительно. Исследователи полагают, что в СССР, в котором в 1930-х годах проституция как открытое социальное явление было устранило, а занятие проституцией считалось неприемлемым и преступным, в оккупированных регионах число бордель-хаусов, организованных немецкими, итальянскими⁴, испанскими⁵ комбатантами, достигало нескольких сотен.

Организация бордель-хауса как часть оккупационной политики

На захваченной территории оккупационные власти устанавливали свой порядок. Частью его было открытие в каждом населенном пункте публичных домов. «Уничтожая клубы, избы-читальни, библиотеки, гитлеровцы открывают вместо них публичные дома»⁶. Бордели создавались в больших и малых городах, в селах и небольших деревнях. «Немецко-фашистские мерзавцы ворвались в... города, открыли притоны, публичные дома, под конвоем приволокли девушек и женщин»⁷, – в начале октября 1941 г. писала «Комсомольская правда», комментируя события в Минске, Слуцке, Борисове, Любани.

По сообщениям, в ноябре 1941 г. публичный дом в Миргороде уже привычно работал⁸. В Курске «открыты три дома терпимости, куда немцы силой загнали русских девушек и женщин»⁹. На одном из домов разместили вывеску «Дом свиданий для немецких солдат»¹⁰. Второй бордель расположили в гостинице¹¹, третий – в здании театра имени А. С. Пушкина¹². «Дом терпимости... открыли торжественно, – сообщал об оккупации Курска И. Эренбург. – [С произнесением речи:] “Мы несем веселье в ледяную пустыню”»¹³. В Смоленске под бордель на 250 мест¹⁴ приспособили гостиницу¹⁵, полагая обслуживать военную элиту – офицеров-

⁴ Макаренко, Я., Галанов, Б. (1941, 22 ноября). Южный фронт. *Правда*.

⁵ Майский, П. (1942, 10 января). Ленинградский фронт. *Известия*; Майский, П. (1942, 11 января). Социалистическая Якутия.

⁶ Юдин, Ив. (1942, 22 июля). Разрушители культуры. *Комсомольская правда*.

⁷ Кононенко, Е. (1941, 11 октября). Советская девушка! Вот что несет тебе проклятый фашизм! Мерзавцы уничтожают твоих подруг. *Комсомольская правда*.

⁸ Знамя Родины. (1941, 17 ноября).

⁹ Красная звезда. (1942, 29 мая).

¹⁰ Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». (1942). *Бюллетень № 7 УНКВД по Курской области, направленный зам. наркома внутренних дел СССР Б. З. Кобулову, о положении в оккупированных районах Курской области за период с 1 по 31 марта 1942 г.* <https://victims.rusarchives.ru/byulleten-no-7-unkvd-po-kurskoy-oblasti-o-polozhenii-v-rayonakh-kurskoy-oblasti-okkupirovannykh>.

¹¹ В Курске. (1942, 28 июня). Социалистическая Якутия; Красная звезда. (1942, 9 мая).

¹² Сын Родины, с. 3 (1941, 11 декабря); Петров, С., Мерман, А. (1941, 11 декабря). Зверства фашистов в Курске. Сын Родины; За честь наших женщин! (1942, 10 апреля). Красная звезда; Правда (1942, 4 мая); Крайнов, П., Моран, Р. (1942, 29 мая). В Курске. Красная звезда; Башкиров, А. (1943, 11 февраля). В освобождённом Курске. *Комсомольская правда*.

¹³ Эренбург, И. А. (2004). *Война. 1941–1945* (с. 375). ООО «Агентство «КРПА Олимп».

¹⁴ Питерский, А. (1941, 24 августа). Варвары XX века. *Правда*.

¹⁵ Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». (1942, 6 января). *О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях: нота наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова*. <http://victims.rusarchives.ru/nota-narkoma-inostrannikh-del-sssr-molotova-6-yanvarya-1942>; За Родину. (1942, 11 января); Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». (1942). *Разведывательная сводка № 8 4-го управления НКВД СССР* (с. 10). <http://victims.rusarchives.ru/razvedyvatelnaya-svodka-no-8-4-go-upravleniyankvd-sssr-o-polozhenii-vo-vremenno-okkupirovannykh>.

летчиков¹⁶. На территории оккупированной Ростовской области первый публичный дом – «Гостиница № 7» открылся в Таганроге 26 декабря 1941 г. Ровно через год был открыт солдатский бордель в Ростове-на-Дону. Над входом в него было написано: «Nur für Deutsche» (Кринко & Сак, 2023). С 1942 г. в Сталино (Донецке) открылась «Гостиница “Великобритания”» и «Итальянское казино»¹⁷ – известные во всех военных частях региона бордели.

Как увеселительные заведения с шумными кутежами действовали в Орле офицерская столовая (заведение, названное так официально, но фактически представлявшее собой казино и публичный дом) и офицерский ресторан на Октябрьской улице¹⁸.

Сразу после оккупации советских территорий были открыты бордель-хаусы в Витебске¹⁹, Новороссийске²⁰, Брянске и Вязьме²¹, Одессе и Сумах²², в городе Тим Курской области²³. В Тарнополе жизнь публичного дома была такой насыщенной, что услаждения посетителей не прекратились даже в момент, когда в город входила пехота советских освободителей²⁴. Газеты сообщали о злодеяниях фашистов, обеспечивавших работу бордель-хаусов в Краматорске, Киеве и Днепропетровске²⁵, Феодосии²⁶, Ялте²⁷, Орджоникидзеграде²⁸, Харькове²⁹, Слуцке³⁰, Никополе³¹, Двинске³², Ельне³³, Ворошиловграде³⁴, Старой Руссе³⁵.

В оккупированном Пскове царила полная разруха. Но бордель на улице Некрасова – первенец «нового порядка» – стараниями немецких властей процветал³⁶. На улице Советской работали два дома терпимости³⁷. Через Псков шли на фронт эшелоны с немецкими солдатами. «Тут их выпускают из вагонов, и они табунами прут в публичные дома»³⁸. Дом терпимости

¹⁶ Баканов, Н. (1943, 28 сентября). Бои за Смоленск. *Тревога*.

¹⁷ Шифман, А. (1942, 23 апреля). Город в ярме. *Комсомольская правда*.

¹⁸ Антонов, В. (1943, 6 августа). Орёл, 5 августа. *Известия*.

¹⁹ Железняк, М. Я. (1942, 1 декабря). Ужасы Витебска. *Знамя Сталина*.

²⁰ Новороссийская городская комиссия. (1943, 18 октября). Из акта Новороссийской городской комиссии. В Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов (Ч. 1, с. 251). Фонд «Связь Эпохи».

²¹ Разумовский, А. (1942, 25 августа). Философствующий убийца. *Красноармейский удар*.

²² Александров, Г. (1943, 3 сентября). Сумы. *Комсомольская правда*.

²³ Корнейчук, А., Василевская, В., & Бажан, М. (1942, 5 января). Городок на холме. *Правда*, с. 2.

²⁴ В Тарнополе. (1944, 8 апреля). За честь Родины.

²⁵ Иваненко, О. (1942, 1 мая). Мы вернемся. *Учительская газета*.

²⁶ Цуккерман, И. (1942, 6 октября). Что несут гитлеровцы народам Советского Союза. *Красноармейский удар*.

²⁷ Гитлеровские зверства в Крыму. (1942, 24 июля). *Сын Отечества; Знамя Родины*. (1942, 26 июля).

²⁸ Сиволобов, М. (1942, 6 июля). Злодеяния гитлеровских извергов в Брянске и Орджоникидзеграде. *Правда*.

²⁹ Жуков, Ю., Ющенко, Л. (1943, 1 сентября). Иго. *Комсомольская правда*.

³⁰ Попрядухин, Ю. (1942, 3 сентября). Зверства немецких палачей. *На страже Родины*.

³¹ Малышев, В. (1944, 17 февраля). Зверства немцев в Никополе. *Вечерняя Москва*.

³² Крюков, Ю. (1944, 18 августа). Камни Двинска. *Труд*.

³³ Анпилогов, Г. (1941, 26 сентября). Кровавые злодеяния фашистских мерзавцев. *Красный флот*.

³⁴ Буковский, К. (1943, 18 февраля). На улицах Ворошиловграда. *Красная звезда*.

³⁵ Поляков, А. (1942, 28 марта). В Старой Руссе. *Тревога*.

³⁶ Громов, В., Федоров, В. (1942, 12 сентября). На Псковщине. *Правда*.

³⁷ Юдин, Ив. (1942, 22 июля). Разрушители культуры. *Комсомольская правда*.

³⁸ Аркадий, Б. (1942, 21 апреля). Псков в цепях. *Правда*.

устроили и в Пушкинских горах, в домике, где жила няня Пушкина Арина Родионовна³⁹. Для обслуживания комбатантов, обеспечивавших блокаду Ленинграда, дома терпимости были открыты в городах Мга⁴⁰, Пушкин⁴¹, Гатчина⁴², Луга⁴³, Любань⁴⁴, в деревне Стан Ленинградской области⁴⁵. Фашисты «свою страну... покрыли случными пунктами. И на захваченных ими землях они воздвигают памятники фашистской культуры в виде солдатских публичных домов. ... Теперь они собираются обратить Ленинград в гигантский дом терпимости»⁴⁶, – с негодованием писал Ф. Самойлов в статье «Коричневые скоты».

Бордель-хаусы в деревнях работали с не меньшей, чем в городах, интенсивностью. Вплоть до отступления частей вермахта действовали публичные дома в деревне Мисин Житомирской области⁴⁷, станице Кагальницкой Ростовской области (Кринко & Сак, 2023), деревнях Касторной Курской области⁴⁸ и Левикино Глинковского района Смоленской области⁴⁹, станице Пилинково Краснодарского края⁵⁰.

Организационные аспекты функционирования бордель-хаусов

Высшим органом власти в оккупированных районах РСФСР была военная комендатура. Организацией хозяйственной жизни населенного пункта занимались бургомистр и городская управа. Именно городская управа давала разрешение на открытие публичных домов, как правило, под вывеской гостиницы, казино или заезжего двора, утверждала смету, штатное расписание, выписывала карточки на питание барышням из борделя.

Городская управа утверждала директоров бордель-хаусов на своей территории. В большинстве случаев ими были советские граждане, которые добровольно выразили желание сотрудничать с оккупационными властями, стремясь получить от такого взаимодействия экономические и социальные выгоды. В Сталино, например, устройством гостиницы «Великобритания» занимался местный житель, украинец по национальности Г. М. Бондарь, а после его увольнения за взятки с марта 1943 г. работу этого притона организовывал старший санитар немец Эвалт (Кринко & Сак, 2023). «Директором солдатского «казино» в Таганроге была М. Ф. Бинюшиц. Она происходила из семьи мещан Таганрога, имела шесть классов образования в дореволюционной женской гимназии. В 1937 г. ее супруг, немец по национальности, вместе с сыном были арестованы НКВД. ... Возможно, ее коллaborация с оккупантами была ответом на репрессии со стороны советской власти. Вместе с тем могли сказываться

³⁹ Благой, Д., Гудзий, Н. (1944, 3 июня). Пушкин на фронте. *Литература и искусство*.

⁴⁰ Бакалов, А. (1944, 25 января). В освобожденном городе Мга. *Ленинский путь*.

⁴¹ Немцы загоняют русских девушек в публичные дома. (1943, 27 января). *Отважный воин*.

⁴² Ющенко, Л. (1944, 28 января). Варвары. *Комсомольская правда*.

⁴³ Майский, П. (1942, 11 января). Разговор с Августом Гуммелем. *Известия*; Майский, П. (1942, 5 февраля). Разговор с Августом Гуммелем. *Социалистическая Якутия*.

⁴⁴ Удар по врагу. (1942, 8 августа).

⁴⁵ Самойлов, Ф. (1941, 24 сентября). Коричневые скоты. *На страже Родины*.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ От Советского Информбюро. (1941, 2 сентября). Пути коллективизации; От Советского информбюро. (1941, 2 сентября). *На защиту Родины*; Городецкий, Е. (1941, 10 сентября). Партизаны Украины. *Красный флот*.

⁴⁸ Не отдадим братьев и сестер на лютую смерть, на поругание! (1942, 12 августа) *Советская Абхазия*; Помни и отомсти! (1942, 14 августа). *Труд; Звезда Советов* (57 А): ежедневная красноармейская газета, с. 2. (1942, 15 августа).

⁴⁹ Питерский, А. (1941, 24 августа). Варвары XX века. *Правда*.

⁵⁰ От Советского Информбюро. (1943, 31 октября). *Правда Севера*; От Советского Информбюро. Оперативная сводка за 30 октября. (1943, 2 ноября). *Социалистическая Якутия*; От Советского Информбюро. (1943, 2 ноября). *Голос колхозника*.

и экономические мотивы: официальный доход Бинюшиц в борделе составлял 1200 руб. в месяц и полное питание» (Кринко & Сак, 2023).

В Великих Луках к созданию дома терпимости для немецких офицеров и солдат под названием «Дом благородных девиц» бургомистр города Поморцев и начальник полиции Филиппков приступили в октябре 1942 г. По согласованию с фельдкомендатурой управляющей бордель-хауса назначили некую Древич, которая уже имела опыт содержания притона в Одессе (Ковалев, 2009).

Главным мотивом для сотрудничества советских граждан с оккупантами было стремление получить экономические и социальные выгоды в сложившейся обстановке. Директора подбирали персонал борделя, опираясь на принцип кумовства, устраивая на должности прежде всего своих родственников и знакомых. В штате состояли бухгалтеры, кухонные работники, «доктор, швейцары, маникюрша, массажистка и другой обслуживающий персонал» (Ковалев, 2009). В штат солдатского публичного дома в Сталино зачислялись: «агент по продовольственному снабжению, кладовщик, электрик, русский гинеколог, переводчик, санитарка, слесарь, разнорабочий, кассирша, баянист, повар, бухгалтер, семья уборщиц, три швейцара и три кочегара» (Кринко & Сак, 2023).

Устройство бордель-хаусов зависело от многих факторов местного значения. В Великих Луках «под помещение, в котором должен размещаться этот дом, было подобрано одноэтажное кирпичное здание... На оборудование дома терпимости и его ремонт городская управа отпустила 50 000 рублей из своего бюджета и выделила необходимое количество стройматериалов. Дом был рассчитан на 20–25 человек. По внутреннему устройству дом терпимости должен был представлять следующее: зал ознакомления, в котором должны были находиться буфет, эстрада, столики для закусок. В середине зала танцевальная площадка. Далее были оборудованы кабинеты с отдельными входами и выходами, соединенные между собой только общим коридором. Кабинеты были оборудованы по-разному и делились на несколько классов. В кабинете первого класса стояла никелированная кровать, ванна и прочие удобства» (Ковалев, 2009).

Женщины, оказывавшие сексуальные услуги, в документах чаще всего называвшиеся девушкиами или барышнями, официально были приняты на работу на должности официанток либо уборщиц гостиниц или казино.

Отбирали полностью здоровых женщин 16–38 лет, прошедших медицинское освидетельствование. По свидетельствам из Таганрога и Ростова-на-Дону, набирались только русские (Кринко & Сак, 2023), соответствовавшие определенным требованиям к внешнему виду (например, только девушки-блондинки). Одним из требований к барышням было наличие определенного гардероба: в Ростовской области, например, требовалось «не менее 5 крепдешиновых платьев и 3 пар модельных туфель» (Кринко & Сак, 2023).

Среди барышень были незамужние и замужние (в том числе жены бойцов Красной Армии), вдовы и разведенные, бездетные и имевшие детей. Довоенный социальный статус барышень был различным: среди них были работницы, служащие, учительницы, бухгалтеры. В числе тружениц бордель-хауса были и женщины с криминальным прошлым – ранее занимавшиеся воровством (Кринко & Сак, 2023) или проституцией, работавшие до этого официантками в кафе и столовых.

В Берлине полагали, что для организации работы борделей будет достаточно желающих местных жительниц, но если нужный контингент из девушек-добровольцев набрать не удастся, то надо будет проводить специальную вербовку барышень. Желающие получить такую работу должны были сами обратиться в городскую управу с заявлением. В Великих Луках для трудоустройства в «Дом благородных девиц» девушки подавали заявление непосредственно в фельдкомендатуру (Ковалев, 2009). Современники свидетельствовали о том, что в условиях

конкурсного отбора в бордель в Таганроге «отдельные женщины давали взятки директрице солдатского казино, чтобы получить место» (Кринко & Сак, 2023), а факт увольнения за взятки директора гостиницы «Великобритания», публичного дома в Сталино, позволяет предположить, что и он получал вознаграждения за устройство девушек на такую работу (Кринко & Сак, 2023).

Е. Ф. Кринко и К. В. Сак, изучавшие повседневность в Ростовской и Сталинской областях в период немецкой оккупации, отмечали, что «в Сталино в гостинице “Великобритания” для немецких солдат первоначально было семь девушек, потом их число возросло до 31. В “Итальянском казино” было 15–18 девушек. В Таганроге в солдатском борделе работало 12 девушек, а в офицерском “казино” – 4–6 девушек. В солдатский бордель Ростова-на-Дону было набрано 11 девушек» (Кринко & Сак, 2023). С учетом того, что в этом регионе оккупанты установили свой порядок в октябре 1941 г., промышленный центр Донбасса – город Сталино и Таганрог находились под оккупацией вермахта около двух лет, в Ростове-на-Дону оккупационный режим устанавливался дважды, окончательно завершившись в феврале 1943 г., все это время на оккупированной территории работали бордель-хаусы. И «по многочисленным свидетельствам сотрудников публичных домов, трудностей с набором женщин не было» (Кринко & Сак, 2023). В оккупированной Калуге по объявлению об открытии публичного дома при наличии 80 вакантных мест добровольно явились 250 девушек (Логарева & Тихонов, 2014).

Рассуждая о фактах добровольного избрания девушками такого вида занятий, начальник технического отдела городской управы Курска А. Г. Кепов вспоминал: «С огорчением надо отметить недостойное поведение многих отдельных женщин, добровольно пошедших по такому тяжелому пути, и, как много раз было проверено тогда, не из-за нужды, а в силу своего характера и расчета» (Кепов, 2002). 4-е управление НКВД СССР, составляя разведывательную сводку о положении во временно оккупированных противником районах на 20 ноября 1942 г., отмечало, что в Смоленске за время оккупации выросла проституция: «до 1800 девушек и женщин» (а это – 50–60 % проживавших в городе) легально и нелегально «занимаются этим поозорным ремеслом»⁵¹.

Такие факты на публичное обсуждение не выносили, но они позволяют констатировать: те, кто шел в бордели по собственной воле, были (Кепов, 2002). Однако добровольно стремящихся на работу в бордель-хаусы в качестве оказывающих сексуальные услуги на оккупированной территории СССР оказалось намного меньше, чем требовалось для постоянного функционирования «пунктов отдыха комбатантов», поэтому оккупанты активно использовали иные способы пополнения рядов сексуальных рабынь.

Один из них – деятельность специальных агентов. В числе таких специалистов была фрау Каролина Штейнгольц. На оккупированной территории СССР она занималась «привычным и знакомым ей делом. Она организовывала публичные дома для господ офицеров немецкой армии. Это и была ее основная должность. Она прекрасно знала вкус господ офицеров и неутомимо рыскала по захваченным городкам и селам в поисках жертв. Насильно увозила девушек из родных домов, под угрозой расстрела заставляла их находиться в публичных домах»⁵². Сопротивление молодых женщин ее не смущало: «она собственноручно застрелила двух девушек-колхозниц, которые отказались даже под угрозой расстрела пойти в публичный дом. Застрелила их на сельской площади, спокойно положила револьвер в кобуру и на штабной

⁵¹ Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». (1942). *Разведывательная сводка № 8 4-го управления НКВД СССР* (с. 10). <http://victims.rusarchives.ru/razvedyvatelnaya-svodka-no-8-4-go-upravleniyankvd-sssr-o-polozhenii-vo-vremenno-okkupirovannykh>

⁵² Сысоев, В. (1941, 30 декабря). Фрау Каролина. *Социалистическая Якутия*.

машине уехала дальше»⁵³. Распространенным способом отбора девушек в публичный дом было использование биржи труда. В соответствии с распоряжениями оккупационных властей «все женщины 1923 года рождения, проживающие на территории городов Орла, Брянска, Карабача, Жиздры, Бежицы, включая пригороды, или же временно проживающие на этой территории, обязаны, согласно расклеенным на улицах этих городов объявлениям, явиться в соответствующую биржу труда. Лица, фамилии которых начинаются с буквы А до М, – 27 мая до 12 часов, работающие – по полудни. Явке подлежат все, независимо от семейного положения и независимо от того, работают ли они или безработные. Не явившиеся будут строго наказаны»⁵⁴; «явке и освидетельствованию подлежат все без исключения женщины, русскоподданные, рождения 1924 г. и 1925 г., независимо от рода их занятия в настоящее время» (Агеева & Трапиш, 2023).

Осуществляя регистрацию трудоспособного населения, оккупационные власти могли использовать трудовые ресурсы по своему усмотрению, в том числе для пополнения бордель-хаусов. Места регистрации женщин фактически становились биржей живого товара (Кринко & Сак, 2023).

Через биржи труда открыто предлагали работу в домах терпимости Симферополя⁵⁵. Были предложения и непрямые (обманные) – приглашения работать официантками в разных городах. Газета «Донецкий вестник» (Сталино), например, публиковала объявления о вакансиях и призывала девушек города работать «официантками по обслуживанию немецкого и итальянского командования за оплату по договоренности»⁵⁶, проживание и питание. Местом работы прибывших для трудоустройства реально оказывался публичный дом. Газете «Красная Армия» очевидцы сообщали, что в Харькове «идет отбор молодых девушек для офицерских и солдатских публичных домов... Вначале девушек отправляют на работу в качестве официанток. Через несколько дней их вызывает немецкий врач, приказывает раздеться догола и после осмотра объявляет: “Вы зачисляетесь на службу в публичный дом”»⁵⁷.

Распространенным способом пополнения числа сотрудниц борделей были облавы. Командиру партизанского отряда в августе 1941 г. сообщали, что фашистские штурмовики в деревне устроили облаву, «согнали на площадь всех женщин и отобрали 20 молодых девушек. Офицер заявил, что они будут отданы в публичные дома для солдат»⁵⁸. В Пожаревицком районе Ленинградской области гитлеровцы «согнали из деревень полтораста девушек [и] ... бросили [их] в публичный дом»⁵⁹.

Девушки, работавшие в «Гостинице “Великобритания”» (Сталино), рассказывали, что они очутились в числе сексуальных рабынь после того, как во время ночной облавы у них дома полицейские изъяли паспорта, а позже, когда они обратились для возврата документов, их насильно отправили в бордель (Кринко & Сак, 2023). Сопротивлению отправки в публичный дом «не помогают ни протесты, ни мольбы, ни слезы. Остается одно из двух –

⁵³ Сысоев, В. (1941, 30 декабря). Фрау Каролина. Социалистическая Якутия.

⁵⁴ Черные дни Жиздры. (1943, 18 августа). Разгромим врага.

⁵⁵ Туровский, М. (1942, 30 октября). Зверства гитлеровцев в Крыму. Вечерняя Москва.

⁵⁶ Открывается гостиница. (1942, 12 марта). Донецкий вестник.

⁵⁷ Что творят гитлеровские рабовладельцы на Украине. Рассказ учительницы Оксаны Дубенок. (1942, 17 сентября). Учительская газета, с. 4.

⁵⁸ От Советского Информбюро. (1941, 1 сентября). Коллективное животноводство.

⁵⁹ Антифашистский митинг советских спортсменов в Москве: Самоотверженно трудись, и ты ускоришь разгром врага! Речь Галины Туровой. Заслуженный мастер спорта, методист лечебной физкультуры военного госпиталя. (1942, 4 августа). Советский спорт.

либо удрать из города (что почти невозможно), либо, чтобы избежать позора, покончить жизнь самоубийством»⁶⁰.

В условиях не случившейся молниеносной войны разнообразие в быт комбатантов вносили «отпуски для посещения публичных домов»⁶¹, где, по свидетельствам немецкого генерал-фельдмаршала, в 1941 г. главнокомандующего сухопутными войсками вермахта В. фон Браухича, «военнослужащие... пьянятся и безобразничают»⁶².

Условия работы в борделях различных городов, скорее всего, принципиальных отличий не имели. Начало трудового дня – 16:00. Ежедневное количество клиентов зависело от многих факторов. В распорядке работы «Итальянского казино» в Сталино «указывалось максимальное допустимое количество посетителей на одну "девушку" – до 30 человек в день» (Кринко & Сак, 2023). Но в реальной жизни число клиентов было и большим.

Бордель-хаусы пользовались спросом, часто для их посещения нужно было стоять в очереди. Заведения для офицеров официально работали до полуночи, но фактически закрывались гораздо позже. Солдатам оставаться в борделях на ночь запрещалось. За соблюдением этого правила должны были следить патрульные.

Посещение борделей офицерами и солдатами было платным. Стоимость услуг барышень была везде одинаковой – 3 марки, или 30 руб. Девушки получали 30–50 % от этой суммы и имели совокупный доход в 3–9 тыс. рублей в месяц без учета стоимости шоколада, мыла, одеколона, конфет, чулок, иного белья, которые посетители дарили девушкам, и оставляемых чаевых.

Для посещения бордель-хауса комбатантам нужен был пропуск. Офицерам выдавали постоянные пропуски. Их печатали типографским способом массовым тиражом на полукартоне желтого цвета, традиционно используемого для обозначения сексуальной коммерции, отмечая, что он предназначен для входа в дома терпимости. На пропуске фиксировались права и обязанности обладателя: «Без права передач. Предъявлять по требованию. Чек на 5-минутный поцелуй»⁶³.

«Солдатам выдают именные карточки с отрывными талонами. Пытаясь хоть несколько завуалировать существование талонов, фашистская верхушка тщательно разработала наименование талонов, – сообщал полковой комиссар М. Калашник в октябре 1941 г. – Тут: "языковый поцелуй", "затяжной поцелуй", "поцелуй в лунную ночь", "случайный поцелуй", "пятиминутный жаркий поцелуй" и т. д. Все это названия одного совершенно понятного существа»⁶⁴.

Свидетельством о работе заведений, куда комбатанты прибывали с подобными пропусками, является записка о жизни Пскова в условиях оккупации, подготовленная на основе разведданных: «Созданы крупные публичные дома... [которые] пользовались большим спросом, и были дни, когда перед этими домами выстраивались очереди»⁶⁵.

С особой фантазией оккупанты подошли к организации борделей в городе Пушкин Ленинградской области. «Фашистские развратники открыли в каждом своем полку по 2 публичных дома. Русских девушек в эти дома полк получает по заявкам немецкой комендатуры. Получив заявку, представитель полка идет на дорогу, где работает гражданское население, там выбирает

⁶⁰ Что творят гитлеровские рабовладельцы на Украине. Рассказ учительницы Оксаны Дубенок. (1942, 17 сентября). Учительская газета, с. 4.

⁶¹ Майский, П. (1942, 10 января). Ленинградский фронт. Известия; Майский, П. (1942, 11 января). Ленинградский фронт. Социалистическая Якутия.

⁶² Эренбург, И. (1941, 8 августа). Бескорыстные взломщики. Правда.

⁶³ Калашник, М. (1941, 24 октября). О чем говорят письма... Знамя Родины.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Псковские хроники. (2004). Вып. 4, с. 21.

девушку и силой тащит ее в публичный дом»⁶⁶. По показаниям испанского солдата И. Рубио, добровольно перешедшего на сторону Красной Армии, «некоторых русских женщин заставляют работать уборщицами в воинских частях. Это молодые девушки. Для таких девушек полк имеет 2 публичных дома. В них живут по 20–25 русских девушек. Каждый дом охраняется отделением солдат во главе с капралом. Утром приходит солдат и отводит девушку туда, где она должна работать, а вечером приводит обратно “домой”. Этих девушек полк получил от комендатуры по заявке»⁶⁷.

Плененный под Ленинградом лейтенант германской армии А. Гуммель рассказывал, что в землянках холод и полутородное существование изнуряли солдат, а быт офицеров скрашивался только отпусками для посещения публичных домов⁶⁸. Нацисты согнали девушек в дом терпимости и изготовили альбом с фотографиями пленниц. «Русские лица, искаженные ужасом, позором, нечеловеческой тоской»⁶⁹, – делился впечатлениями от просмотра трофейного фотоальбома военный корреспондент И. Эренбург. У каждой девушки на груди бляха с номером. Немецкие офицеры рассматривали альбомы и заказывали: «Выслать в блиндаж двух девиц, номера такие-то»⁷⁰.

Социально-медицинские аспекты работы домов терпимости

Перед администрацией оккупированных территорий, стремящейся поддержать боеспособность военнослужащих созданием борделей, стояла важная задача – не допустить распространения венерических заболеваний. В бордель-хаусы направляли женщин, здоровье которых, по свидетельству медиков, не вызывало сомнений. Медицинский осмотр являлся обязательным условием обеспечения работы публичных домов⁷¹. Предварительный осмотр врача был правилом посещения борделя. Офицеры и солдаты вермахта перед каждым посещением бордель-хауса проходили проверку у военного врача, а барышни несколько раз в неделю осматривались венерологом. Каждого посетителя регистрировали в специальном журнале, который при необходимости мог помочь установить путь передачи инфекции и своевременно изолировать больных.

Перед посещением барышни в борделе от военнослужащего требовалось заполнить специальную квитанцию. Востребованность таких квитанций была настолько велика, что печатали их в типографии массовым тиражом. У одного из пленных – немецкого обер-ефрейтора Клинка сохранилась одна из таких квитанций:

«Армейский публичный дом. Псков. Горная улица, 3.

Номер партнёрии: А-8.

Номер комнаты: 12.

День общения: 21.8.43.

Немедленная дезинфекция после общения есть долг».

⁶⁶ Бойцов, С. (1943, 3 июня). Что творится в Пушкине. *На страже Родины*.

⁶⁷ Что творится в Пушкине. (1943, 31 мая). *Удар по врагу*, с. 2.

⁶⁸ Майский, П. (1942, 11 января). Разговор с Августом Гуммелем. *Известия*; Майский, П. (1942, 5 февраля). Разговор с Августом Гуммелем. *Социалистическая Якутия*.

⁶⁹ Эренбург, И. (1942, 8 ноября). Смерть колбаснику! *Патриот Родины*.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Фашистские зверства на Дону. (1942, 15 августа) *Звезда Советов* (57 А); Леонидов, Ю. (1942, 29 сентября). Крымские партизаны. *Красный флот*; Что дала советская власть трудовому крестьянину. (1942, 13 ноября). *Колхозная правда*.

На обороте этой черной квитанции стоит штамп дезинфекционного пункта и имя обер-ефрейтора Клинка – посетителя бордель-хауса⁷².

Несмотря на организацию медицинского контроля встреч в борделях, неоднократная смена клиентов приводила к инфицированию и персонала, и посетителей: «Заражение... шло взаимное, и большинство женщин из этих домов возвращалось с венерическими болезнями»⁷³. Если у потенциального посетителя обнаруживали признаки венерической болезни, его отправляли в лазарет, а после излечения – на три недели в карцер (Кринко & Сак, 2023). Однако применением этих мер желаемого результата не добивались: случаи распространения венерических заболеваний среди военнослужащих оставались частыми⁷⁴.

В Курске «перед войной... совершенно исчез сифилис. Немцы заразили Курск. По немецкой статистике, среди гражданского населения регистрировалось в декаду от 70 до 80 случаев заболевания венерическими болезнями»⁷⁵. В Таганроге только за один год оккупации заболевания сифилисом выросли на 2700 %. За два месяца после освобождения города советскими войсками (ноябрь–декабрь 1943 г.) кожно-венерологический диспансероказал помочь 14 367 обратившимся (Кринко & Сак, 2023). Почти в четыре раза выросла посещаемость кожвенбольницы в Ростове-на-Дону, большинство обратившихся за медицинской помощью составляли женщины. В Старой Руссе за время немецкой оккупации заболели венерическими болезнями 20 % всех женщин, загнанных немцами под угрозой расстрела в дома терпимости⁷⁶.

Архивные документы свидетельствуют и о фактах уничтожения венерических больных по распоряжению оккупационных властей (Титаренко, 2020), и об отдельных фактах получения барышнями квалифицированной медицинской помощи (Сак, 2024а). После лечения большинство девушек на работу в публичные дома уже не возвращалось (Кринко & Сак, 2023).

Личностные аспекты деятельности заведений по предоставлению сексуальных услуг

Какие аргументы становились основой выбора стратегии индивидуального выживания в экстремальной ситуации и добровольной работы женщин в бордель-хаусах в военные годы?

Один из очевидных мотивов – необходимость обеспечить пропитание себе, детям, престарелым родителям. Голод был постоянным спутником жизни в оккупации, и получение пищи являлось ключевой задачей для выживания. После обязательной регистрации на бирже труда большинство женщин направлялось на тяжелые восстановительные работы, которые не всем были по силам. Пайка, получаемого за изнурительный труд, едва хватало для утоления голода, в связи с чем «многие женщины на почве голода вступают в отношения с немцами»⁷⁷, – констатировало Управление НКВД по Курской области в марте 1942 г. «Немцы растлевают массу молодежи – женщин и девушек, доведенных до отчаяния голодом и террором, за кусок хлеба», –

⁷² Дымшиц, А. (1943, 16 декабря). Воины Красной Армии, наш гнев живёт в делах, в мести! Смерть проклятым фрицам! *На страже Родины*.

⁷³ *Псковские хроники*. (2004). Вып. 4, с. 241.

⁷⁴ Аркадий, Б. (1942, 21 апреля). Псков в цепях. *Правда*.

⁷⁵ Эренбург, И. Г. (2004). *Война. 1941–1945* (с. 375). ООО «Агентство «КРПА Олимп».

⁷⁶ Поляков, А. (1942, 28 марта). В Старой Руссе. *Тревога*.

⁷⁷ Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». (1942). *Бюллетень № 7 УНКВД по Курской области, направленный зам. наркома внутренних дел СССР Б. З. Кобулову, о положении в оккупированных районах Курской области за период с 1 по 31 марта 1942 г.* <https://victims.rusarchives.ru/byulleten-no-7-unkvd-po-kurskoy-oblasti-o-polozhenii-v-rayonakh-kurskoy-oblasti-okkupirovannykh>

вспоминал военнопленный, попавший к партизанам (Сак, 2024а). Заведующая хозяйственной частью борделя в Ростове-на-Дону подчеркивала, что девушки пришли в «казино» «отнюдь не по доброй воле»: «Их загнала сюда, в эту клоаку, немецкая власть, запугавшая свои жертвы голодом, гестапо, высылкой, расстрелом... Шли сюда и женщины, обремененные семьей, дети которых буквально умирали от голода: сюда их приводило желание любой ценой, даже ценой продажи врагам своего собственного тела, спаси своих детишек от голодной смерти...» (Кринко & Сак, 2023).

Проституция давала возможность прокормить себя и свою семью, позволяла получить бронь от отправки в Германию и на работы по рытью окопов или расчистке дорог. В борделях барышни обеспечивались питанием. По словам работницы бордель-хауса в Сталино, ее ежедневную норму составляли: «хлеба 600 гр., масло 40 гр., колбаса 200 гр., 2 палочки конфет, кофе, борщ, консервы мясные, сигареты» (Сак, 2024а). Барышни становились одной из наиболее защищенных групп населения в оккупации. Поэтому факт привода в публичный дом 16-летней девушки собственной матерью имел объяснение: женщина пришла в бордель «или из острой нужды... или спасая дочь от увоза в Германию» (Кринко & Сак, 2023).

«Часть девушек шла в эти дома из-за материальной необеспеченности, а часть для того, чтобы своим телом подзаработать себе на лишние «тряпки» и пожить праздной и развратной жизнью»⁷⁸, обеспечивая себе «пир во время чумы»⁷⁹.

С учетом того, что в борделях можно было вести разведывательную работу, собирая сведения, «которые могли разболтать подвыпившие клиенты», работа публичных домов на оккупированной территории привлекала особое внимание советских органов государственной безопасности (Ковалев, 2009).

Барышни в условиях оккупации приобретали относительную устойчивость и защищенность, но в обществе сограждан они превращались в изгоев. Местные жители к легализации проституции относились крайне негативно, стратегии выживания, основанные на проституции, не оправдывали ни голодом, ни угрозой жизни, а поэтому открыто осуждали всех, кто причастен к работе борделей, – и барышень, и обслуживающий персонал.

О создании «Дома благородных девиц» – борделя в Великих Луках местная жительница Л. А. Вишнякова отзывалась так: «Когда я узнала, что в нашем городе организуется столь гнусное заведение, я сказала, что рада за то, что моя племянница погибла от бомбежки, что она не будет знать об этом ужасном доме и не попадет в него» (Ковалев, 2009).

Сотрудники бордель-хаусов двойственность своего положения осознавали. Девушки, по словам уборщицы «Итальянского казино» в Сталино, «даже стеснялись выйти на базар, потому что люди знали, что они работали в доме терпимости» (Кринко & Сак, 2023). Обслуживающий персонал публичных домов свое место работы не афишировал. «Трудовые коллективы» борделей старались дистанцироваться от всех общественных отношений с соотечественниками.

Оккупационные власти называли проституток патриотками Германии, обещали им различные привилегии по окончании войны⁸⁰. Но пока война еще шла, пренебрежительное отношение к барышням со стороны оккупантов не скрывалось. Выдавая им пропуски и иные документы на немецком языке, место их трудоустройства власти указывали незавуалированно – бордель. Над предъявительницами таких пропусков немецкие патрульные открыто

⁷⁸ Псковские хроники. (2004). Вып. 4, с. 241.

⁷⁹ Эренбург, И. Г. (2004). Война. 1941–1945 (с. 376). ООО «Агентство «КРПА Олимп».

⁸⁰ Титаренко, Д. Н., Пентер, Т. (2013). Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы (с. 234). Світ книги.

смеялись, понимая неоднозначность их положения и возможные перспективы «вышвыривания»⁸¹ при приобретении «производственных травм» – заражении венерическими заболеваниями.

В условиях ликвидации в довоенном СССР проституции как открытого социального явления и формирования в общественном сознании отношения к проституции как к преступлению, средства массовой информации обращали внимание на эту сторону деятельности оккупационных властей и использовали образ поруганного женского тела для разжигания ненависти к врагу: «Идя в бой, вспомни, боец, о русских девушках, загнанных в публичные дома... ставших рабынями немецких баронов. Бей, беспощадно бей, немцев! Истребляй фашистских мерзавцев»⁸².

*«Боец! Не забудь! Не прости!
Такое не может забыться!
За русскую женщину МСТИ
кровавым немецким убийцам!»⁸³.*

Образы насилия обеспечивали эмоционально насыщенную реакцию против врага.

Когда обстановка на фронте изменилась, часть барышень отступила вместе с вермахтом добровольно, часть – была угнана силой вместе с комбатантами⁸⁴, часть – осталась в родных местах.

Психологические аспекты устройства послевоенной жизни

После Победы женщин только за половую связь с оккупантами к уголовной ответственности не привлекали. Наказанию подлежали содержатели домов терпимости, но не барышни, оказывавшие сексуальные услуги в бордель-хаусах. Однако жить в послевоенное время с глубокой психологической травмой и с клеймом «фашистская подстилка» было нелегко. Случалось, женщины, насильно вовлеченные в проституцию, силой загнанные в офицерские и солдатские публичные дома, не выдерживая позора, совершали самоубийства⁸⁵.

Еще хуже приходилось детям, рожденным от оккупантов, которых с детства дразнили фашистенком, немцем или испанцем. В марте 1943 г. оккупационными властями было принято решение о праве русской матери при рождении ребенка от немецкого солдата на алименты: «При регистрации внебрачных детей, которые происходят от германских отцов, надо одновременно представить доказательства, которыми подтверждается отцовство германского солдата... Содержание детей, относительно которых установлено, что отцом их является германский гражданин, обеспечивается уплатой текущего пособия. Пособие составляет ежемесячно 200 руб. и выплачивается матери районной кассой ежемесячно вперед со дня рождения ребенка» (Ковалев, 2009). Объявление в Старой Руссе сообщало, что «при рождении девятого живого ребенка или седьмого сына родители имеют право выбирать в крестные Адольфа Гитлера или имперского маршала Германа Геринга»⁸⁶.

⁸¹ Аркадий, Б. (1942, 21 апреля). Псков в цепях. *Правда*.

⁸² Кирсанов, С. (1943, 27 января). Немцы загоняют русских девушек в публичные дома. *Отважный воин*.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Слесарев, П. (1943, 10 марта). На смоленской земле. *Красная звезда*.

⁸⁵ Нота народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова о чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления. (1942, 28 апреля). *Красный флот; Известия*. (1942, 28 апреля).

⁸⁶ Поляков, А. (1942, 28 марта). В Старой Руссе. *Тревога*.

Ребенок, рожденный от немецкого военнослужащего, в условиях оккупации мог быть определенной формой заработка. Но после прихода советских войск ситуация кардинально менялась. Б. Н. Ковалев приводит обнаруженный им в архивных материалах факт: за три года, пока Северо-Запад России был оккупирован нацистами, местная жительница родила от них двух детей. В первый же день после освобождения своей деревни она вышла на дорогу, положила туда своих малышей и с криком «Смерть немецким оккупантам!» убила их бывшим мужем (Ковалев, 2009).

Заключение

Легальная проституция и «горизонтальный» коллаборационизм стали стратегиями выживания женщин на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны. Избрав ресурсом выживания свое тело, женщина, насильно или по своей воле попавшая в бордель, оказывалась в ситуации двойной гендерной дискриминации – одновременно и как «унтерменш» («недочеловек»), и как трофей, и становилась заложницей двойных стандартов, с одной стороны, являясь помощницей новых оккупационных властей, которые поддерживали ее защищенность и материальное обеспечение, с другой стороны, становясь изгоям в своем прежнем окружении, которое оценивало проституцию как преступление и предательство.

«Можно ли обвинять наших женщин и девушек в том, что они жили и живут с немцами не насильно, а добровольно? – задавал себе вопрос майор Красной Армии Д. В. Жигунов в своем фронтовом дневнике 1943 г., рассуждая о тех, кто вступал в сексуальные отношения с немцами. – Не знаю, сейчас я не берусь сказать ни да, ни нет. А в 1941–1942 г. с декабря по июнь месяц и сказал бы: да, виноваты и подлежат расстрелу. Так и было, когда я со своим батальоном громил и гнал немцев на запад от Тихвина, были тоже такие случаи, их расстреливали без жалости, как и немецкую сволочь. А теперь почему-то я не решаюсь взять на себя решение этого вопроса...»⁸⁷.

Несмотря на то, что в странах-участницах Второй мировой войны были приняты правовые акты, в которых насилие оценивалось как преступление, и проблема сексуального насилия поднималась на советских открытых судебных процессах над нацистскими преступниками и их пособниками, за принуждение к занятию проституцией и сексуальное рабство никто осужден не был. На советских открытых судебных процессах и в Нюрнбергском трибунале женщины жертвами официально признаны не были, компенсации не получили.

Мысль о возможности взыскания компенсации за жизни мирных граждан в советском руководстве обдумывалась еще в годы войны, а ЧГК обсуждала основания для компенсации морального ущерба за изнасилования. В архивных фондах ЧГК К. В. Сак обнаружила записку неизвестного автора с рассуждениями о том, что, по его предположению, солдатами и офицерами вермахта за годы войны насилию подвергнутся 25 тыс. девушек и 40 тыс. замужних женщин и вдов. В качестве компенсации он предлагал взыскивать за девушек по 5 тыс. рублей золотом, а за остальных – по 3 тыс. рублей золотом. Получалось, что побежденная Германия только по факту изнасилований должна была выплатить 245 млн рублей золотом (Сак, 2024а). Однако было решено счета за людские потери и за поруганную честь женщин противнику не предъявлять, так как «честь советской женщины не измеряется деньгами» (Сак, 2024а).

В процессе подготовки Международного трибунала в Нюрнберге был принят Закон о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против

⁸⁷ Жигунов, Д. В. Дневник. Прожито. <https://prozhito.org/note/439015>

человечности⁸⁸. «Изнасилование или другие бесчеловечные действия, совершаемые против любого гражданского населения» статья II относила к преступным действиям. Однако сексуальное насилие как особое военное преступление квалифицировано еще не было.

Масштабы насилия над женщинами в период Второй мировой войны обусловили принятие в 1949 г. Женевской конвенции о защите жертв войны⁸⁹. Но трагическая сторона женской военной повседневности приобрела оттенок постыдности и дискредитации самих жертв. После Победы проблемы половой и гендерной дискриминации, изнасилований и принуждения к проституции утратили свое прагматичное значение для пропаганды. В официальной политике памяти опыт выживания женщин в экстремальных условиях оккупации был предан коллективному забвению и исключен из коллективной памяти.

Вопросы о том, как экстремальные условия Великой Отечественной войны влияли на выбор женщинами форм выживания, кто должен нести ответственность за лишение женщин права на собственное тело и его неприкосновенность, до настоящего времени остаются открытыми. Различные обстоятельства вовлечения в проституцию и исключительно тяжелые условия жизни в оккупации требуют дифференцированного подхода к изучению проблемы легальной проституции в контексте коллаборационизма и сексуального насилия.

В условиях «войн памяти» XXI в. и в стремлении переоценить потери советского народа и его вклад в Победу над фашизмом во Второй мировой войне принуждение к проституции на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны должно быть квалифицировано как преступление нацистов против мирного населения, оказавшее влияние на развитие послевоенного мира.

Список литературы

- Агеева, В. А., Трапиш, Н. А. (2023). Насильственное перемещение гражданского населения города Таганрога на принудительные работы в Третий рейх: опыт комплексной характеристики. *Известия Коми научного центра УрО РАН*, 5 (63), 157–165. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-5-158-165>
- Дюков, А. Р. (2007). *За что сражались советские люди: "Русский не должен умереть"*. Москва: Яузा. (Война и мы. Военное дело глазами гражданина). ISBN 978-5-699-22722-8. EDN QPGMCN
- Кепов, А. Г. (2002). Курск в период оккупации 1941–1943 гг. *Курские мемуары*, (2), 42–43.
- Ковалев, Б. Н. (2009). *Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы*. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. ISBN 978-5-98769-061-1. EDN YASQNF
- Кринко, Е. Ф. (2023). Новые подходы и проблемы в изучении нацистской оккупации советских территорий в годы Великой Отечественной войны. В *Фундаментальные исследования, инновационные технологии и передовые разработки в интересах долгосрочного развития Юга России: материалы Международного научного форума, посвященного 20-летию ЮНЦ РАН* (Ростов-на-Дону, 08–10 февраля 2023 года, стр. 349–352). Ростов-на-Дону: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук». EDN FDJSID

⁸⁸ Закон № 10 о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности. (1945, 20 декабря). В *Нюрнбергский процесс: сборник материалов: В 8 т.* (Т. 1, с. 159–164). Юридическая литература.

⁸⁹ Организация Объединенных Наций. (1949, 12 августа). *Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны*. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml

- Кринко, Е. Ф., Сак К. В. (2023). «Дома терпимости» в Ростовской и Сталинской областях в период немецкой оккупации в 1942–1943 гг. *Уральский исторический вестник*, 2 (79), 106–115.
- Лотарева, Д., Тихонов, В. (2014). Собеседник Рокоссовского. *Родина*, 12, 27–30.
- Нижник, Н. С. (2025а). «Горизонтальный» коллаборационизм как стратегия выживания в условиях Великой Отечественной войны. В *Женщины и мужчины в экстремальной повседневности народов России и мира: материалы XVIII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН* (Казань, 25–28 сентября 2025 года, стр. 141–144). Москва: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Нижник, Н. С. (2025б). Принуждение к проституции – преступление нацистов против мирного населения оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны. *Вестник Уральского юридического института МВД России*, 2 (46), 32–41.
- Никонова, О. Ю. (2005). Женщины, война и «фигуры умолчания». *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 2–3 (40–41), 282–289.
- Реброва, И. В. (2008). «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны. *Женщина в российском обществе*, 2 (47), 25–33.
- Сак, К. В. (2024а). Женская повседневность в оккупации: сексуальное насилие в документах и советской пропаганде. *Quaestio Rossica*, 12 (2), 601–616. <https://doi.org/10.15826/qr.2024.2.898>
- Сак, К. В. (2021). Изнасилования на Восточном фронте: расследование, преступники и их жертвы. В *Трагедия войны: Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века* (с. 128–143). Москва: Издательский дом «Российское военно-историческое общество», Язу-каталог. ISBN 978-5-00155-309-0.
- Сак, К. В. (2024б). Преступления против женщин в оккупированных национальных автономиях Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны. Электронный научно-образовательный журнал «История», 15 (12-2 (146)). Получено из: <https://history.jes.su/s207987840033814-4-1/>. <https://doi.org/10.18254/S207987840033814-4>
- Сак, К. В. (2025). Социальная адаптация советских женщин к условиям нацистской оккупации (1941–1944 гг.). Электронный научно-образовательный журнал «История», 16 (S24). <https://history.jes.su/s207987840034611-1-1/>. <https://doi.org/10.18254/S207987840034611-1>
- Титаренко, Д. Н. (2020). Судьба инфекционных и венерических больных в период нацистской оккупации (на примере Украины). В *Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне* (Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 года, стр. 418–427). Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН.
- Beck, B. (2004). *Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militägerichten, 1939–1945*. Schöningh.
- Berkhoff, K. C. (2004). *Harvest of despair: Life and death in Ukraine under Nazi rule*. Harvard University Press.
- Markwick, R. D., & Cardona, E. C. (2012). *Soviet women on the frontline in the Second World War*. Palgrave Macmillan.
- Mühlhäuser, R. (2010). *Eroberungen: Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutsche Soldaten in der Sowjetunion, 1941–1945*. Hamburger Edition.
- Mühlhäuser, R. (2021). *Sex and the Nazi soldier: Violent, commercial and consensual encounters during the war in the Soviet Union, 1941–1945*. Edinburgh University Press.

- Sommer, R. (2009). *Das KZ-Bordell: Sexuelle Zwangsarbeit in nationalsozialistischen Konzentrationslagern*. Ferdinand Schöningh.
- Steinberg, J. (1995). The Third Reich reflected: German civil administration in the occupied Soviet Union, 1941–4. *The English Historical Review*, 110 (437), 620–651.
- Timm, A. F. (2001). The ambivalent outsider: Prostitution, promiscuity, and VD control in Nazi Berlin. In R. Gellately & N. Stoltzfus (Eds.), *Social outsiders in Nazi Germany* (pp. 192–211). Princeton University Press.
- Vinen, R. (2006). *The unfree French: Life under the occupation*. Yale University Press.

References

- Ageeva, V. A., Trapsh, N. A. (2023). Nasil'stvennoe peremeshchenie grazhdanskogo naseleniya goroda Taganroga na prinuditel'nye raboty v Tretij rejh: opyt kompleksnoj harakteristiki. *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN*, 5 (63), 157–165. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-5-158-165>
- Dyukov, A. R. (2007). *Za chto srazhalis' sovetskie lyudi: "Russkij ne dolzen umeret"*. Moskow: Yauza. (Vojna i my. Voennoe delo glazami grazhdanina). ISBN 978-5-699-22722-8. EDN QPGMCN
- Kepov, A. G. (2002). Kursk v period okkupacii 1941–1943 gg. *Kurskie memuary*, (2), 42–43.
- Kovalev, B. N. (2009). *Kollaboracionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy*. Velikij Novgorod: Novgorodskij gosudarstvennyj universitet imeni Yaroslava Mudrogo. ISBN 978-5-98769-061-1. EDN YASQNF
- Krinko, E. F. (2023). Novye podhody i problemy v izuchenii nacistskoj okkupacii sovetskikh territorij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. V *Fundamental'nye issledovaniya, innovacionnye tekhnologii i peredovye razrabotki v interesah dolgosrochnogo razvitiya Yuga Rossii: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, posvyashchennogo 20-letiyu YUNC RAN* (Rostov-na-Donu, 08–10 fevralya 2023 goda, str. 349–352). Rostov-na-Donu: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe uchrezhdenie nauki «Federal'nyj issledovatel'skij centr Yuzhnyj nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk». EDN FDJSID
- Krinko, E. F., Sak K. V. (2023). «Doma terpimosti» v Rostovskoj i Stalinskoy oblastyah v period nemeckoj okkupacii v 1942–1943 gg. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2 (79), 106–115.
- Lotareva, D., Tihonov, V. (2014). Sobesednik Rokossovskogo. *Rodina*, 12, 27–30.
- Nizhnik, N. C. (2025a). «Gorizonta'l'nyj» kollaboracionizm kak strategiya vyzhivaniya v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny. V *Zhenshchiny i muzhchiny v ekstremal'noj povsednevnosti narodov Rossii i mira: materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZHI i IEA RAN* (Kazan', 25–28 sentyabrya 2025 goda, str. 141–144). Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN.
- Nizhnik, N. C. (2025b). Prinuzhdenie k prostitutci - prestuplenie nacistov protiv mirnogo naseleniya okupirovannyh territorij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2 (46), 32–41.
- Nikonova, O. Yu. (2005). Zhenshchiny, vojna i «figury umolchaniya». *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2–3 (40–41), 282–289.
- Rebrova, I. V. (2008). «Zhenskaya» povsednevnost' v problemnom pole istorii Velikoj Otechestvennoj vojny. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, 2 (47), 25–33.
- Sak, K. V. (2024a). Zhenskaya povsednevnost' v okkupacii: seksual'noe nasilie v dokumentah i sovetskoy propagande. *Quaestio Rossica*, 12 (2), 601–616. <https://doi.org/10.15826/qr.2024.2.898>
- Sak, K. V. (2021). Iznasilovaniya na Vostochnom fronte: rassledovanie, prestupniki i ih zhertvy. V *Tragediya vojny: Gumanitarnoe izmerenie vooruzhennyh konfliktov XX veka* (s. 128–143). Moskow: Izdatel'skij dom «Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo», Yauza-katalog. ISBN 978-5-00155-309-0.

- Sak, K. V. (2024b). Prestupleniya protiv zhenshchin v okkupirovannyh nacional'nyh avtonomiyah Severnogo Kavkaza v period Velikoj Otechestvennoj vojny. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*, 15 (12-2 (146)). Polucheno iz: <https://history.jes.su/s20798784-0033814-4-1/>. <https://doi.org/10.18254/S207987840033814-4>
- Sak, K. V. (2025). Social'naya adaptaciya sovetskih zhenshchin k usloviyam nacistskoj okkupacii (1941–1944 gg.). *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*, 16 (S24). <https://history.jes.su/s207987840034611-1-1/>. <https://doi.org/10.18254/S207987840034611-1>
- Titarenko, D. N. (2020). Sud'ba infekcionnyh i venericheskikh bol'nyh v period nacistskoj okkupacii (na primere Ukrayiny). V *Velikaya Otechestvennaya vojna v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvolы*: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 75-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne (Rostov-na-Donu, 10–11 sentyabrya 2020 goda, str. 418–427). Rostov-na-Donu: Yuzhnyj nauchnyj centr RAN.
- Beck, B. (2004). *Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militargerichten, 1939–1945*. Schöningh.
- Berkhoff, K. C. (2004). *Harvest of despair: Life and death in Ukraine under Nazi rule*. Harvard University Press.
- Markwick, R. D., & Cardona, E. C. (2012). *Soviet women on the frontline in the Second World War*. Palgrave Macmillan.
- Mühlhäuser, R. (2010). *Eroberungen: Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutsche Soldaten in der Sowjetunion, 1941–1945*. Hamburger Edition.
- Mühlhäuser, R. (2021). *Sex and the Nazi soldier: Violent, commercial and consensual encounters during the war in the Soviet Union, 1941–1945*. Edinburgh University Press.
- Sommer, R. (2009). *Das KZ-Bordell: Sexuelle Zwangsarbeit in nationalsozialistischen Konzentrationslagern*. Ferdinand Schöningh.
- Steinberg, J. (1995). The Third Reich reflected: German civil administration in the occupied Soviet Union, 1941–4. *The English Historical Review*, 110 (437), 620–651.
- Timm, A. F. (2001). The ambivalent outsider: Prostitution, promiscuity, and VD control in Nazi Berlin. In R. Gellately & N. Stoltzfus (Eds.), *Social outsiders in Nazi Germany* (pp. 192–211). Princeton University Press.
- Vinen, R. (2006). *The unfree French: Life under the occupation*. Yale University Press.

Информация об авторе

Надежда Степановна Нижник – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

About the author

Nadezhda S. Nizhnik – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg University of the MIA of Russia, Dr. Sci. (Jurid.), Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 01.12.2025

Submitted December 01, 2025

Одобрена после рецензирования 16.12.2025

Approved after reviewing December 16, 2025

Опубликована 28.12.2025

Accepted December 28, 2025